

Служитель Богу и людям

К 40-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ ПРЕСТАВЛЕНИЯ
МИТРОПОЛИТА
НИКОДИМА (РОТОВА)

Сергей Фирсов

В истории Русской Церкви второй половины XX века, пожалуй, нет более известного, яркого имени, чем имя митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова). Выдающийся церковный деятель советского времени, владыка отошел ко Господу 40 лет назад, но память о нем жива и поныне.

Некоторые современные исследователи пытаются судить о владыке Никодиме, далеко не всегда сообразуясь с обстоятельствами того времени, когда Церковь не имела возможности публично противостоять государственному атеизму и идеологическим нападкам штатных коммунистических пропагандистов. Хрущевская «оттепель» для русского Православия превратилась в новые «заморозки», о последствиях которых никто не мог сказать тогда ничего определенного. Церкви в конце 1950-х — начале 1960-х годов необходимо было найти ответ на вызовы и соблазны доморощенных строителей «рая на земле», задавших целью в короткие сроки добиться «изживания религиозных предрассудков» в СССР. Надежды Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева и его соратников не в последнюю очередь основывались на том, что за 40 послеоктябрьских лет выросли новые поколения советских людей, воспитанных в духе воинствующего безбожия и глумления над религией и церковностью. Казалось, что, как только старое поколение, сформировавшееся до революции 1917 года, уйдет с исторической сцены, его смена забудет дорогу к храму и ленинская мечта об атеизации всей страны полностью осуществится.

Быстрый взлет

К этому поколению выросших в Советском Союзе людей и принадлежал митрополит Никодим (в миру — Борис Георгиевич Ротов), появившийся на свет 15 октября 1929 года в селе Фролово Кораблинского района Рязанской области. Его отец Георгий Иванович Ротов был советским служащим (инженером-землеустроителем Рязанского губернского земельного управления).

Мама, Елизавета Михайловна, до 1927 года работала сельской учительницей. Средняя советская семья. Стремительная церковная «карьеря» их сына годы спустя вызвала подозрения: об отце владыки писали и говорили как о «страшном человеке» и партийном работнике (митрополит Питирим (Нечаев)) и даже как о «первом секретаре Рязанского обкома» (профессор Д. В. Поспеловский). И то, и другое, не соответствует действительности.

Будущий архипастырь, крещенный в младенчестве, с раннего детства любил ходить в храм, любил богослужение. В Церковь его привела бабушка по материнской линии, жена священника. Так что владыка Никодим вполне может считаться потомственным священнослужителем.

В школе Борису Ротову лучше остальных предметов давались гуманитарные, но и в целом он учился неплохо. Когда будущему архипастырю было 10 лет, отца забрали в армию — вначале на советско-финскую войну, а затем — на Великую Отечественную. Оказывать влияние на сына он в то время не мог. А сын рос, все более интересуясь церковной жизнью и мечтая о пастырском служении. В 1942 году Борис Ротов первый раз надел стихарь и получил благословение иподиаконствовать. Первые шаги на церковном поприще он делал в Рязани, где уже после войны окончил среднюю школу. Летом 1947 года Борис попытался поступить в Московский медицинский институт, но, не набрав необходимых баллов, без экзаменов перевелся в Рязанский педагогический институт на факультет естествознания. Его жизнь к тому времени уже определилась: в августе 1947 года неполных 18 лет он был рукоположен во диаконы, а два дня спустя — пострижен в монахи. Постригавший его архиепископ Ярославский и Ростовский Димитрий (Градусов) выбрал для Бориса Ротова имя тайного ученика Иисуса Христа — Никодима. В дальнейшем это имя митрополит оформил как свое гражданское.

20 ноября 1949 года отец Никодим был рукоположен в сан иеромонаха, тогда же решил открыться отцу и матери и уйти с третьего курса светского вуза. С тех пор и до гробовой доски его жизнь полностью посвящена служению Церкви, без которой он себя не мыслил. Выросший в тяжелые годы предвоенной антирелигиозной истерии и страшной войны,

Фото из личного архива Сергея Фирсова

Никодим удивительным образом сохранил трепетную веру — глубокую и чистую. Но при этом он оставался и по семейному воспитанию, и по первоначальному образованию советским человеком. Странно? Странно. Но — пути Господни неисповедимы.

Первым, кто заметил будущего митрополита, был упомянутый выше архиепископ Димитрий, который стал для него добрым наставником и любящим покровителем. Умевший быстро учиться, впитывавший, по словам современников, знания, как губка, отец Никодим исключительно быстро сумел пройти все ступени церковно-административной лестницы.

В самом деле, первые годы после рукоположения молодой иеромонах служил в храмах Ярославской епархии, в 22 года (в январе 1952 года) став секретарем архиепископа Ярославского и Ростовского, а также клириком кафедрального собора Ярославля. Не прошло и трех лет, как отец Никодим стал настоятелем этого собора. Параллельно со служением он учился. Разуме-

ется, обучение могло быть только заочным. Но это никак не помешало отцу Никодиму за пять лет пройти полный курс Ленинградских духовных семинарии и академии: осенью 1955 года он их окончил по первому разряду. Четыре года спустя за курсовое сочинение «История Русской духовной миссии в Иерусалиме» Совет академии присвоил о. Никодиму ученую степень кандидата богословия.

К тому времени отец Никодим стал серьезной церковно-политической фигурой. В феврале 1956 года его отправили на служение в Иерусалим (в ту самую миссию, историю которой он через несколько лет напишет и представит к защите в ЛДА). В августе его назначили заместителем начальника миссии, весной 1957 года возвели в сан игумена, а в сентябре того же года поставили во главе миссии. Возведение в сан архимандрита также не заставило себя долго ждать.

Есть ли какое-либо объяснение столь стремительному взлету? Есть. На мой взгляд, это — исключительные дарования отца Никодима, его

Литургия св. ап. Иакова в храме Ленинградской духовной академии. В центре — митрополит Никодим. Начало 1970-х гг.

Митрополит Никодим в храме Ленинградской духовной академии. Начало 1970-х гг.

Епископ Серафим (Никитин), архиепископ Никодим (Ротов), диакон Андрей Мазур, митрополит Пимен (Извеков), епископ Киприан (Зернов), епископ Никон (Фомичев). Свято-Троицкий собор Александро-Невской лавры. 1962 г.

способности полемиста и дипломата, православного священнослужителя и блестящего знатока церковных традиций, человека, не боявшегося своего времени — времени борьбы с «религиозными пережитками», но при этом не желавшего идти на открытую конфронтацию с официальными властями. Удивительное сочетание многих достоинств пастыря и политика, умевшего находить разумные компромиссы и шедшего на них.

Глава ОВЦС

Блестяще зарекомендовавший себя в Иерусалиме, в марте 1959 года молодой архимандрит был переведен в Москву — заведующим Канцелярией Московской Патриархии. А уже в июне становится заместителем председателя Отдела внешних церковных сношений. В новых условиях, когда старый председатель ОВЦС митрополит Николай (Ярушевич) вошел в прямое столкновение с Советом по делам Русской Православной Церкви, выступив против начавшегося в СССР гонения на религию, и попытался про-

тивостоять государственной антирелигиозной политике, коммунистическая власть была заинтересована в церковном иерархе, который отказался бы от открытого осуждения действий ЦК КПСС и советского правительства. Тогда и была выбрана кандидатура архимандрита Никодима (Ротова).

21 июня 1960 года он был назначен председателем ОВЦС и возведен в сан епископа. А 9 июля 1960 года в Троице-Сергиевой лавре была совершена хиротония Никодима во епископа Подольского, викария Московской епархии. Хиротонию совершали: Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский), митрополит Гор Ливанских Илия (Антиохийская Православная Церковь), епископ Сергиопольский Василий (Антиохийская Православная Церковь), епископ Дмитровский Пимен (Извеков) и епископ Можайский Стефан (Никитин). Таким образом, владыка Никодим стал самым молодым архиереем Русской Церкви — на момент хиротонии ему было всего 30 лет.

Экспозиция памяти митрополита Никодима (Ротова) в Санкт-Петербургской духовной академии

в Совете по делам РПЦ, с поставленной задачей мог справиться Никодим. Однако коммунистические «кураторы» не учли одного, весьма существенного обстоятельства: епископ Никодим был человеком глубокой веры, заинтересованным в сохранении Русской Церкви.

Соединение несоединимого?

Не будем спешить с оценками. У руководителя ОВЦС была своя стратегия выживания. Многолетний соратник владыки протопресвитер Виталий Боровой охарактеризовал ее следующим образом. Владыка, говорил отец Виталий, «стремился к установлению постоянных связей, контактов, взаимного обмена в объеме, который был необходим Церкви, объеме, чтобы выжить внутри советского организма, а не вне его, — так, чтобы Церковь смогла сыграть активную роль в обществе тогда, когда государство осознает ее необходимость. Он глубоко верил, что такой момент настанет, даже, как говорил он в частной беседе, «...если тем временем от нас останется две-три церкви на всю страну». Поэтому-то он считал внешнюю деятельность не столько ценой, которую приходится платить, сколько желательной для Церкви возможностью. Международная деятельность и престиж, который она приносила Церкви, усиливали ее позиции в отношении к государству»¹. А митрополит Питирим (Нечаев) заметил однажды, что «ставить» на владыку было выгодно, поскольку у него все получалось. Вероятно, с этим связаны его быстрые перемещения — с кафедры викария Патриарха Московского на Ярославскую (временно), затем в августе 1963-го — в Минск,

Как могли отнестись к этому «компетентные органы»?

Вероятнее всего, с «пониманием». Родившийся и выросший в советской среде, новый руководитель Отдела внешних церковных связей не имел того «груза прошлого», который был за плечами его предшественника — митрополита Николая. Он никогда не привлекался за деятельность, в сталинские времена обыкновенно характеризовавшуюся как «антисоветская», и показал себя достойным представителем «церковных кругов» за границей. Несмотря на то что в СССР полным ходом шла борьба с религией, Хрущев не желал, чтобы его обвиняли в притеснении верующих, и проявлял заинтересованность в налаживании межрелигиозных отношений. Лучше всего, как полагали тогда

а в октябре 1963-го — в Ленинград. Ранней весной 1961 года владыка Никодим утверждается постоянным членом Священного Синода, в июне возводится в сан архиепископа, а два года спустя, в августе 1963 года, становится митрополитом. Стех пор и вплоть до кончины владыка был правящим архиереем одной из самых почетных кафедр Русской Православной Церкви, попутно исполняя массу ответственных поручений.

«Мое дело воевать»

У него не существовало расписанного по минутам рабочего дня. Митрополит Герман (Тимофеев) однажды остроумно сказал, что у владыки Никодима «мог быть и рабочий день, и рабочая ночь». Перед каждой заграничной поездкой, подчеркивал владыка Герман, он сам подготавливал необходимые бумаги. О том же, как его будут воспринимать потомки, он, «по большому счету, и не думал. Владыка вспоминал высказывание старых полководцев: “мое дело воевать, а о результатах моих действий скажет история”»².

Как-то в поезде, отправляясь в Москву, он в присутствии своих иподиаконов вдруг ударил рукой по столу и в сердцах, будто споря с самим собой, произнес: «Нет, я не могу себя упрекнуть, я делал то, что должен делать!». Иподиаконы, сидевшие рядом с ним, спрашивать владыку ни о чем не стали — просто не поняли, о чем он говорил. Но фразу запомнили. Сегодня можно, конечно, сказать: значит, было нечто, заставлявшее митрополита возвращаться мыслью к вопросу о правильности выбранной им линии поведения. Сказать — можно, судить — едва ли.

Любопытный штрих к биографии митрополита Никодима, о котором мне рассказал знавший его новгородский протоиерей Александр Ранне: он регулярно читал две советские газеты — «Правду» и «Известия», те самые, про которые советский человек острил: в «Правде» нет известий, а в «Известиях» — правды. Но владыка умел выискивать в газетах разночтения, несогласованность (это в советской-то трафаретной печати!) и использовать эту несогласованность на благо Церкви. Как тогда говорили, он умел читать между строк.

Талантливый человек — талантлив во всем. Митрополит, безусловно, был талантливым человеком, бравшимся за решение вопросов и дел,

которые никто, кроме него, не мог разрешить и устроить. Например, при поступлении в духовные школы абитуриентов ему приходилось выдерживать настоящие баталии с уполномоченным Советом по делам религии по Ленинграду и Ленинградской области Г.С. Жариновым. Последний имел право утверждать список поступавших (хотя по закону в СССР Церковь была отделена от государства), безжалостно сокращать его и оставлять в нем самых малоподготовленных и неграмотных абитуриентов. Митрополит, в свою очередь, пытался (и часто — успешно) отстаивать своих кандидатов, заявляя Жаринову о необходимости иметь квалифицированных людей для международной церковной работы. Более того, он добился организации учебы семинаристов за рубежом — в Афинах и Риме. В условиях советской действительности это было уникальное достижение. Желая поближе узнать тех, кто хочет связать свою судьбу с церковным служением, в дни приема абитуриентов владыка Никодим часами беседовал с поступающими, затем в течение учебного года проводил личные беседы со студентами и общие собеседования с выпускниками. Эти беседы, часто заканчивавшиеся поздно ночью, остались в памяти многих его учеников.

Опасаясь закрытия властями Ленинградских духовных школ, он добился того, чтобы на обучение в ЛДА принимались студенты из-за границы. Международная огласка — после того, как иностранные студенты появились в стенах академии и семинарии, — уже не давала властям возможности остановить учебный процесс.

Совмещая обязанности митрополита Ленинградского с обязанностями председателя Отдела внешних церковных сношений, владыка Никодим был вынужден в течение всей недели работать в Москве. В Ленинград он приезжал лишь на субботу и воскресенье, а также на крупные церковные праздники. За короткое время пребывания в своем епархиальном городе митрополит совершал богослужения, встречался с духовенством, разбирал многочисленную корреспонденцию, занимался епархиальными делами. При этом он всегда устраивал прием посетителей, желавших его видеть. Жизнь не останавливалась ни на минуту. Митрополиту до всего было дело, мелочей для него не существовало.

Сергей Львович Фирсов (род. в 1967), доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Санкт-Петербургского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, член Общецерковного диссертационного совета и Объединенного диссертационного совета (Д 999.073.04) по теологии.

Святейший Патриарх Кирилл возложил венок и совершил заупокойную литию на могиле митрополита Никодима. Никольское кладбище Александро-Невской лавры. 5 сентября 2018 г.

По воспоминаниям современников, требовательность к совершению богослужений у владыки Никодима была очень высока: он буквально «пробудил» духовенство Ленинградской епархии. При непосредственном участии митрополита в храме Ленинградской духовной академии стала совершаться Литургия апостола Иакова. Следуя древней практике, во время Литургии митрополит читал тайные молитвы вслух. Было ли это «модернизмом», или, упаси Боже, «обновленчеством», как сейчас любят говорить критики владыки Никодима?

Конечно же, нет.

Он был живой во всех смыслах человек, и как архипастырь тоже. Сила, ум, воля — все эти качества в полной мере были присущи владыке Никодиму, умевшему разбираться в людях и стремившемуся не к «обновлению», а к оживлению Церкви.

В надежде на выход из идеологического гетто

Он был человеком глубокого монашеского настроения. Как вспоминали близкие ему люди, светская одежда ему совершенно не шла. Даже на прогулки выходил всегда в рясе. За каждой службой непременно причащался — без этого он не мыслил полноценной жизни. В своих многочисленных поездках владыка требовал, чтобы вся делегация Русской Церкви следовала его примеру и на службе приступала к Святым Тайнам.

Любимым его занятием было писать акафисты. Церковное творчество было для него отдохновением и радостью. Митрополит написал ряд богослужебных чинопоследований для современных агиологических тем (например, он составил службы праведной Тавифе; праведному Иоанну Русскому, исповеднику; Собору Ростовских и Ярославских святых; тропарь равноапостольному Николаю, архиепископу Японскому, и службу ему).

Понятно, что владыка Никодим имел все церковные награды. Как вспоминал митрополит Герман (Тимофеев), «Патриарх Пимен его наградил правом совершать богослужения с преднесением креста. Как Патриарх служил владыка Никодим!»³.

За свою недолгую по человеческим меркам жизнь владыка сумел сделать очень многое. Ему принадлежала ведущая роль в подготовке автокефалии Православной Церкви в Америке (в 1970 году); он был в числе основных организаторов Поместного Собора 1971 года, на котором Патриархом Московским и всея Руси избрали митрополита Крутицкого и Коломенского Пимена (Извекова). Ходили слухи, что власти не позволили владыке занять эту высшую в церковно-иерархическом отношении ступень, опасаясь его «строптивости» и «изворотливости». Насколько слухи соответствовали реальному положению дел, не столь принципиально. Важнее иное: его роль в деле подготовки Поместного Собора была

Владыка Никодим — это человек совершенно особой судьбы, особой духовной силы. Он повлиял на сознание очень многих молодых людей в трудные 60-е годы, и немало из них, начиная со Святейшего Патриарха Алексия II, стали священнослужителями, архиереями. Господь судил владыке Никодиму содействовать тому, чтобы значительное количество его учеников и последователей приняли на себя особую ответственность за жизнь Русской Православной Церкви. Я, как Патриарх Московский и всея Руси, связывая себя с владыкой Никодимом, свидетельствую, что если бы не он, то не состоялось бы и мое духовное и богословское возрастание.

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.

14 июня 2014 г.

исключительно велика, как велика была его роль и в принятии на его заседаниях решения об отмене клятв и анафемы, наложенных на сторонников старых обрядов Собором 1666–1667 годов.

Вплоть до кончины оставаясь ленинградским архипастырем, владыка Никодим принимал самое активное участие в церковном делании, будучи главным помощником и соратником Патриарха Пимена и ни на миг не оставляя надежды на то, что настанет время, когда Церковь выйдет из идеологического гетто, куда ее загнала советская власть.

Пережив несколько инфарктов, он скончался на приеме у Папы Римского Иоанна-Павла I 5 сентября 1978 года. Согласно завещанию его похоронили на братском участке Никольского кладбища Александро-Невской лавры. Земная жизнь владыки завершилась, но память о нем жива. Он был не только архипастырем, церковным политиком, глубоким и вдумчивым богословом и историком. Для многих церковных людей он был наставником, умевшим вовремя сказать нужное слово, утешить, ободрить или,

при необходимости, осадить. Митрополит был церковным стратегом, осмыслившим планы на далекое будущее.

...Еще С. Ю. Витте точно подметил: чтобы правильно судить о человеке, необходимо писать «роман его жизни». Воистину так! «Роман жизни» митрополита Никодима до сих пор не написан. Владыка, несмотря на четыре десятилетия, прошедшие со дня его кончины, не принадлежит истории, «историческая давность» для него не наступила.

Но самое важное, пожалуй, не это, или не только это. Принципиальнее то, что он сумел оказать колоссальное влияние не только на православную церковную жизнь 1960–1970-х годов, но и на многих своих современников — учеников и соратников, прежде всего на Святейшего Патриарха Кирилла. О владыке Никодиме можно сказать словами шотландского мыслителя XIX столетия Томаса Карлейля, много писавшего о героях и о героическом в истории. «Даже при самом поверхностном отношении к великому человеку, — писал он, — мы все-таки кое-что выигрываем от соприкосновения с ним. Он — источник жизненного света, близость которого всегда действует на человека благотворно и приятно. Это — свет, озаряющий мир, освещающий тьму мира. Это — не просто возжженный светильник, а скорее природное светило, сияющее, как дар неба; источник природной, оригинальной прозорливости, мужества и героического благородства, распространяющий всюду свои лучи, в сиянии которых всякая душа чувствует себя хорошо».

Думаю, что это определение с полным правом можно отнести к владыке Никодиму, от соприкосновения с которым и по сей день «выигрывают» как знавшие его люди, так и те, кто, не зная его лично, могут на его примере понять, что такое жизнь, без остатка отданная служению Богу и прожитая ради Него. *Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни* (Откр. 2, 10).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Человек Церкви: К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения Высокопреосвященнейшего митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы (1929–1978). М., 1998. С. 106.

² См.: Время собирать камни: Интервью с митрополитом Германом // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. 2002. № 13–14. С. 407.

³ Там же. С. 410.